

ДМИТРИЙ ИГУМНОВ

ЛЮДИ ПРОШЛОГО ВЕКА

РАССКАЗЫ

ВАСЬКА

И в детстве, и в юности Василий Плотников был озорным парнем. Повзрослев, он не только продолжал озоровать, но и становился настоящим хулиганом. Но всё это было лишь до тех пор, пока Василий не встретил Екатерину, приехавшую в наш город откуда-то с Севера. Не понять — как, но их семейная жизнь превратила хулиганистого парня в уважаемого покладистого труженика.

Семья Плотниковых жила размеренной жизнью с приличным по тем временам достатком. Первым родился у них сын Володя, а вот дочка Лида появилась значительно позже — лет через семь после рождения брата. Всё шло своим чередом, пока не пришла на нашу землю беда: началась война.

Василий прошёл Великую Отечественную от начала и до самого конца. Вернулся домой. Израненный, перенесший тяжёлую контузию, с подорванным здоровьем. Дома фронтовика поджидало горе: его любимец, сын Володя, был осуждён и отправлен в колонию для малолетних преступников. Там он заболел туберкулёзом и умер. Екатерина не написала мужу об этом на фронт, пожалела его. Но теперь всё открылось.

Смерть сына сделала Василия каким-то совсем податливым воле жены. А Екатерина всё больше превращалась в семейного диктатора...

ИГУМНОВ Дмитрий Васильевич родился в Москве в 1937 году. Служил на Балтийском флоте. Окончил Всесоюзный заочный энергетический институт. В настоящее время преподаватель Московского института радиотехники, электроники и автоматики. Автор книг прозы "Рыжий", "Кукуй". Живёт в Москве.

У нее почти всегда было строгое лицо со слегка прищуренными глазами и поджатыми губами. Одевалась она тоже строго и аккуратно, чего требовала и от мужа. При этом мужа она называла Васькой. И никак иначе. В таком её обращении звучало не пренебрежение, а скорее некая горемычность и снисхождение к своему спутнику.

В выходные и праздничные дни, особенно в теплое время года, немногочисленные вернувшиеся с войны мужчины-соседи любили собираться во дворе. Некоторые из них что-то мастерили, другие играли в домино или в карты, курили и втихаря выпивали “боевые сто грамм”. Воевали они на разных фронтах и в разных родах войск и теперь рассказывали друг другу разные истории из своей фронтовой жизни. Вспоминали однополчан, командиров и даже, случалось, рассуждали о вышем командовании. Возникали споры. О Жукове, как правило, говорили с уважением и одновременно с некоторым страхом. А вот о Рокоссовском — только с любовью.

Обычно Василий во дворе вёл себя тихо, неприметно. Но изредка в споре пробивался его буйный характер.

— Жуков есть Жуков! А Рокоссовский только Рокоссовский! — мог выкрикнуть Василий кому-то в лицо, сжав при этом кулаки.

Но тут же конфликт гасила его жена. Она высывалась из окна и отдавала команду:

— Васька, за молоком!

Или нечто оригинальное:

— Васька, чай кушать!

Невнятно бормоча что-то, Василий поднимался с лавочки и, волоча простреленную ногу, отправлялся выполнять очередную команду своего строгого командира.

Но, несмотря на явную диктатуру, Екатерина любила своего несчастного Ваську и уж, верно, гордилась им. Так же, как и дочка Лида. Во время войны был Василий разведчиком, много раз ходил за линию фронта, доставлял для командования важные сведения, приводил пленных немцев — “языков”. За свои подвиги получил Василий Плотников четыре ордена, два из которых были орденами “Славы”. Говорили, что хотели представить его к званию Героя Советского Союза, но нрав Василия помешал этому: числились за ним неуставные отношения с сослуживцами. Это и понятно: на фронте некому было обуздать его, не было рядом Екатерины...

После войны Василий работал в заводском сборочном цехе. Работником слыл неплохим, но уж очень был задирист, нетерпелив. Может, потаённая поведенческая находила бурный выход на работе? Словом, в нём уживались два человека: примерный тихоня дома и нетерпимый горлопан за порогом...

У Лиды был жених, которого звали тоже Василием, а полностью — Василием Васильевичем. Мать Лиды величала его именно так: по имени и отчеству. Встречала и угощала она будущего зятя с большим почтением. Во время его визитов всегда был накрыт по тем временам щедрый стол. С четвертинкой водки. Одна маленькая бутылочка — на двоих Василиев. В застолье будущая теща постоянно повторяла:

— Закусай, Василь Васильич, закусай...

Лида вскоре вышла замуж за Василия Васильевича, семья переехала в пригород, где строился мощный научно-производственный космический комплекс. Там у них родился сын Алексей.

Василий Васильевич оказался незаурядным организатором производства и быстро продвигался по службе: занял должность начальника одного из основных цехов комплекса. Его уважали и ценили коллеги-производственники и многие космонавты. Всё в семье у Лиды складывалось хорошо, крепко, счастливо.

Но неожиданно всё померкло: Василий Васильевич трагически погиб. Горе было безмерным.

Фронтвик Василий Плотников пережил своего зятя лишь на несколько месяцев. Он тяжело болел. Врачи уверяли, что это следствие контузии, полученной на фронте. Умер Василий тихо, на руках своей Екатерины, которая последние дни практически не выходила из больничной палаты.

После смерти мужа Екатерина Плотникова замкнулась в себе. Одевалась она с тех пор во всё чёрное, и до конца своих дней эта русская женщина соблюдала пожизненный траур по своему “Ваське”.

ДИМОКРАТИЯ

Ректора института звали Дмитрием Николаевичем Евтяровым. Личность была незаурядная: ректор высшего учебного заведения, не имеющий никакого отношения к подлинной науке. Зато был он выдающимся организатором и гениальным хозяйственником, прошёл войну и прекрасно разбирался в людях.

Будучи секретарём парткома одного известного в стране вуза, за какие-то особые заслуги умудрился он получить ученую степень кандидата наук (диссертацию ему попросту написали по распоряжению свыше). Вскоре уважаемого партийного работника назначили на должность директора филиала института. А уж после этого начался бурный профессиональный рост Дмитрия Николаевича.

Первым делом он занялся созданием базовых кафедр на ведущих промышленных предприятиях города. Это дало возможность увеличить число студентов и повысить уровень подготовки. Такой подход укрепил и деловые связи директора с руководством предприятий. А некоторые ведущие сотрудники с производства получили возможность дополнительно заработать: их оформляли преподавателями на полставки.

Скоро стало не хватать учебных площадей. И директору удалось какими-то загадочными путями получить в своё распоряжение четырехэтажное здание школы, находящееся в аварийном состоянии. Для его капитального ремонта вездесущий хозяйственник сумел привлечь разные силы: трудились и бригады профессиональных строителей, и студенческие группы, и даже солдаты стройбата.

С вводом в действие этого отремонтированного здания изменился и сам статус учебного заведения. Приказом министра филиал был преобразован в самостоятельный институт. Ректором института, естественно, стал Евтяров!

И всё равно, несмотря на получение нового здания, мест для занятий со студентами не хватало. Но ректор своим странным решением целый этаж отремонтированного здания занял теннисными кортами с сопутствующей структурой комфортного отдыха: банкетной комнатой, душевыми кабинками и прочим. В спортивном зале, только в зале, кафедра физкультуры иногда урывками проводила занятия со студентами, основное назначение этого помещения было иным: на кортах проходили неформальные встречи ректора с нужными людьми. И безуспешно!

Вскоре на окраине города началось строительство целого комплекса зданий института. Появились новые факультеты и кафедры, пришло много новых преподавателей. Дальновидный хозяйственник сумел собрать в своём институте выдающихся учёных. Обеспечил им хорошие условия для работы, солидную зарплату. Некоторые из приглашённых специалистов получили автомобили и квартиры. Все их усилия должны были быть направлены на получение выдающихся научных результатов и, конечно, на процветание института и в целом высшего образования.

Не забывая Дмитрий Николаевич и о своих личных интересах. В годы ректорства, как из рога изобилия, на него посыпались учёные звания и научные премии. Отгадка была проста: практически во всех монографиях, статьях, докладах и заявках на изобретения значилась фамилия Евтярова, хотя руководящий хозяйственник даже отдалённо не представлял себе, о чём там идёт речь. Только, пожалуй, звезда Героя Социалистического Труда являлась заслуженной наградой человеку, создавшему процветающий институт. Звание же академика и прочие атрибуты научного признания являлись чистойшей профанацией...

При этом все мало-мальски значимые решения принимались только ректором. Все ближайшие подчинённые, включая проректоров и деканов, являлись лишь исполнителями воли ректора. Такой стиль работы в институте ста-

ли называть “димократией”. Это оригинальное слово образовывалось от уменьшительного имени ректора — Дима.

В приёмной и экзаменационной комиссиях института обязательно присутствовал специально подготовленный человек, пользующийся особым доверием ректора. Он следил за тем, чтобы дети нужных людей успешно сдавали вступительные экзамены и без каких-либо срывов зачислялись в институт. На должностях профессоров на кафедрах нередко появлялись “мёртвые души”, которые, как вполне живые люди, получали зарплату. Некоторые, выработав таким способом определённый срок на занимаемой должности, даже получали аттестаты учёных званий. Эти и другие подобные действия “димократического” режима давали устойчивый результат: институт числился одним из ведущих вузов страны.

Конечно, не всем нравились заведённые ректором порядки. Поэтому поведение преподавателей находилось под постоянным и строгим наблюдением. Евтяров отлично разбирался в людях, а уж своё ближайшее окружение формировал очень тщательно. Словом, всё было под его контролем. Но случались и сбои... На одной из профилирующих кафедр работал доцент Крылатов Михаил Германович — энергичный правдолюб и потомственный коммунист. Он гордился тем, что его дед был не только знаком с Лениным, но даже одно время входил в его близкое окружение.

Так вот, этот доцент-правдолюб, хотя и в деловой форме, подчас всенародно выражал несогласие с “димократическим” диктатом. Открыто поддерживать его, за редким исключением, никто не решался — реакция ректората на такое вольнодумство могла быть крайне суровой, вплоть до увольнения бунтаря из института, поскольку механизмы реализации распоряжений ректора были хорошо отлажены. И всё же в те годы имелся скрытый рычаг коммунистической демократии — выборы членов парткома института проводились с помощью тайного голосования.

Разумеется, обработка голосующих была организована на самом высоком уровне, но всё равно результат оказывался неудовлетворительным: Крылатов постоянно избирался членом парткома. Окружение ректора негодовало. Звучали самые радикальные советы:

— Да выгоните вы его, Дмитрий Николаевич! Компромата на него хватает.

— Если вы считаете, что мало, то мигом наберём ещё. Какой засранец!..

— Как вы, Дмитрий Николаевич, можете терпеть такого поганца? Ведь он просто хочет утопить институт вместе с нами.

Ректор понимал всё не хуже, а лучше своих ближайших помощников. Он думал, думал и придумал. Мудрый хозяйственник выпустил приказ по институту, в котором Крылатов назначался заведующим кафедрой.

Ничто не изменяет человеческое существо так сильно, как власть! Ни деньги, ни слава, ни даже любовь, а только власть есть высшее мерило воздействия...

Нельзя сказать, что всё изменилось как по мановению волшебной палочки, но результат для правящей верхушки “димократического” режима не заставил себя долго ждать. Пламенный революционер всё больше и больше стал походить на конструктивного оппозиционера. Этого и добивался Евтяров! Преуспевающий хозяйственник интуитивно понимал, что ни одна сложная система, будь то техническая или человеческая, не может долго и устойчиво функционировать без отрицательной обратной связи или попросту — без оппозиции. Но эта оппозиция призвана не разрушать режим, а должна только устранять самые слабые и болезненные места его. В результате так и получилось.

Другие, менее яркие деяния ректора тоже были вполне успешны. Статус института продолжал расти. Его выпускники были нарасхват ведущими предприятиями страны. Лаборатории института продолжали наполняться прекрасным современным оборудованием, уровень научных разработок пользовался уважением не только в стране, но и за рубежом. Даже горбачёвская перестройка и последовавший за ним бандитский режим Ельцина до поры до времени не могли разрушить созданный Евтяровым храм высшего образования.

В то время особый интерес к институту стали проявлять иностранные фирмы. Заключались договоры на проведение совместных работ, давались гранты на обучение талантливых студентов, приглашались для чтения лекций ведущие преподаватели “оттуда”...

Время брало своё — состарившийся Дмитрий Николаевич должен был оставить пост, который он занимал не один десяток лет. “Демократия” заканчивалась. Были назначены выборы нового ректора. Почти единогласно избрали молодого, но уже имеющего мировую известность физика-теоретика. Этот настоящий учёный, эрудит, интеллигент всегда был доброжелателен и приятен в общении. Про него говорили: настоящий демократ — в хорошем смысле этого слова. Всё так, но физик не был хозяйственником.

За годы правления нового ректора и его “профессиональных управленцев” территория, занимаемая институтскими структурами, неуклонно сокращалась, и к концу пятилетнего срока уменьшилась в десять раз. Почти всё было разбазарено, разворовано, распродано... Про суммы денег, вырученных за это, знал только узкий круг управленцев. По институту ходили слухи, что бухгалтерия испытывает серьёзные трудности при расчёте заработной платы членов ректората — не хватало разрядов в вычислительной машине... Но зарплата преподавателей снижалась и к окончанию периода правления вновь избранного ректора сократилась почти в четыре раза. За это время не было приобретено ни одного нового прибора ни для учебных практикумов, ни для исследовательских лабораторий. Старое оборудование обветшало, уровень подготовки студентов катастрофически снижался. Многие молодые преподаватели ушли из института в поисках лучшей доли, а оставшиеся, в основном люди преклонного возраста, ещё пытались сохранить хоть какое-то подобие прошлого величия вуза. В среде преподавателей-старичков при любом удобном случае вспоминали о прошлом, о былом.

Однажды меня остановил коллега с соседней кафедры:

— Вы помните времена правления Дмитрия Николаевича?

— Как не помнить!

— А ведь мы тогда роптали, возмущались. Называли методы его правления “демократией”.

— И правильно, что возмущались!

— Правильно-то правильно... — грустно вздохнул коллега. — А сейчас что, лучше?

— Всё в мире относительно, — неопределённо отозвался я.

— Да... Но какие разительные перемены произошли при переходе от “демократии” к демократии? А ведь в слове-то поменялась лишь одна буква!

Мы продолжали стоять друг против друга и грустно улыбаться. А что ещё оставалось нам делать?

БЕРЕГИНЯ

В кузове машины сильно трясло. На колдобинах грунтовой дороги фронтовиков подбрасывало вверх и мотало из стороны в сторону, и они громко ругались. Только лейтенант Чернецов за всю дорогу не проронил ни слова. Он направлялся в свою новую часть, в полк штурмовой авиации, и какая-то неопределённость тревожила его: он уже изрядно повоевал, будучи лётчиком-истребителем, а теперь ему предстояло быть в роли пилота штурмовика.

После лечения в госпитале Виктор Чернецов предстал перед медкомиссией. Мнения медиков разделились. Некоторые даже высказывались за то, чтобы признать его непригодным для службы в авиации. Но большинство военврачей признало лейтенанта Чернецова годным к дальнейшей службе, лишь с некоторыми уточнениями: пилотирование истребителя слишком опасно для перенесшего ранение лейтенанта, а потому ограничили допустимую для него скорость полётов параметрами штурмовика.

Вот и думал ас истребительной авиации, как теперь будет летать на тихомодном штурмовике... Кроме того, в истребителе он один, сам себе хозяин, отвечает только за себя, а теперь в экипаже будет ещё и стрелок. Эти мысли вызывали в душе его даже некоторую обиду.

В то время, когда лейтенант Чернецов трясся в кузове полуторки, его будущий командир майор Молчанов отчитывал старшего лейтенанта Рыкова за неуставные отношения со стрелком Екатериной Бойко. Отчаянная и удачливая в бою, она не переносила хамства своего командира.

— Отдавайте меня хоть под трибунал, товарищ майор! — заявляла она Молчанову. — Но летать с этим матерщинником я не буду!

Забот у майора Молчанова было хоть отбавляй: большие потери личного состава, пилотов не хватает, а тут эти девичьи выкрутасы. “Ладно, вот должен прибыть новый пилот, вроде опытный. К нему в экипаж и определю её”, — решил он.

Вечером того же дня в командирском блиндаже перед Молчановым стоял навытяжку лейтенант Чернецов:

— Прибыл в ваше распоряжение для дальнейшего прохождения службы!

— Прибыл ты как раз кстати, — тепло, не по-уставному поздоровался командир полка. — Садись, отдохни с дороги... Расскажи, откуда ты родом? Где воевал?

Виктор отвечал на вопросы, а в конце беседы грустно добавил:

— Вообще-то я, товарищ майор, лётчик-истребитель, но после ранения списан к вам, в штурмовую авиацию.

— Да ты не горюй! У нас сможешь ещё ярче показать себя. Штурмовик — он и истребитель, и бомбардировщик, и небесный разведчик. Как раз подходит для такого аса, как ты...

— Спасибо, товарищ командир. Но мне бы на первых порах подучиться, понять боевые возможности штурмовика. Да и желательно в экипаж опытного стрелка.

— Есть у меня такой... — кивнул командир, улыбаясь. — Сержант Екатерина Бойко. Не удивляйся — боец она первоклассный. Потом ещё благодарить меня будешь.

Виктор молча принял это известие, но про себя слегка вознегодовал: “Вот и первый сюрприз”.

В девичьей землянке ютились радистки, работницы столовой и других вспомогательных полковых служб. Были среди них и три подруги — стрелки штурмовиков: Катя, Света и Тоня. Новость о прибытии в полк молодого пилота мигом облетела женскую часть личного состава.

Как только в землянке появилась Катя Бойко после знакомства со своим новым командиром, к ней подлетели подруги:

— Ну, как он тебе, Катюша? Понравился? — приставали девушки.

— Не знаю, — пожимая плечами, отвечала Катя. — Вроде бы вежливый, аккуратный... Посмотрим, какой он в бою.

Первые вылеты не были боевыми, они проходили в окрестностях аэродрома. Чернецов хотел почувствовать свой самолёт, понять его технические возможности. Но скоро “Ил” с новым экипажем получил первое боевое крещение в групповом вылете: прикрывали нашу танковую колонну. Там и произошла первая встреча с истребителями противника.

Катя ощутила класс своего нового командира — он мастерски увел их штурмовик из зоны огня “мессершмиттов”. Но и сам особо не стремился поразить их. “Что, он трусит?” — закралось сомнение в душу отважной девушки. Но бывший лётчик-истребитель понимал, что вероятность победы штурмовика в бою с быстрым и юрким истребителем невелика. Зачем глупо рисковать?

Катя этого ещё не понимала и после приземления, выпрыгнув из кабины стрелка, подошла к своему командиру и яростно заговорила:

— Товарищ лейтенант! — И тут же осеклась. Три ордена на груди командира враз охладили её пыл. — А за что вы получили свои ордена?

— За сбитые фашистские самолёты.

— И сколько вы их сбили?

— Официально шестнадцать.

— А не официально?

— Восемнадцать. Но служба наземного наблюдения, товарищ сержант, не всегда правильно учитывает.

— Знаю, — согласилась Катя. Она немного помолчала, а затем, улыбнувшись, сказала:

— Товарищ лейтенант, называйте меня просто Катей...

Лейтенант улыбнулся:

— Давай договоримся, что и ты будешь звать меня Витей. По крайней мере, когда мы одни.

— Постараюсь... Я постараюсь не подвести вас, товарищ лейтенант!

И стена недоверия между командиром и стрелком развалилась...

— Откуда ты родом? — спросил Виктор. — Судя по фамилии, с Украины?

— А вот и не угадал! — звонко ответила Катя. — Донская казачка я, с Ростова. А ты откуда?

— Родился и вырос я в старинном городке в верховьях Волги. Потом учился в Московском университете, потом война началась...

В тот вечер в девичьей землянке Катю опять окружили подруги: что да как?

— Пилот он классный, — рассказывала Катя. — Такие финты выделывал. Другие ребята в нашем полку так не смогут.

— А как парень? — посмеивались подруги. — Понравился?

— Да ну вас, одно на уме... — сдвинув чёрные брови, отвечала Катя. — Посмотрим, как всё дальше сложится.

Боевые вылеты проходили ежедневно, и даже случалось дважды в сутки. Майор Молчанов оценил уровень лётной подготовки Чернецова и стал поручать ему самые сложные задания, в основном разведывательные. Штурмовик Виктора ухитрялся почти не попадать под огонь вражеских зениток, уходить от бестолкновений с "мессерами". Умелое маневрирование и опытный стрелок, который пулемётными очередями отсекал атаки немецких истребителей, сделали экипаж одним из лучших в полку.

Но, как всегда, у таких успешных экипажей заводятся завистники. Бывший Катин командир Рыков не высказывал восторгов в отношении Чернецова, считая его очень осторожным, расчётливым, а однажды прилюдно в столовой обвинил его в трусости. Сам Виктор не дал волю своим чувствам, за него вступилась Катя. Она метнулась к Рыкову:

— Негодяй! — И размашисто влепила ему пощечину. — Ты и есть бездарность! Одно название, что лётчик...

Рыков бросился было на девушку, но однополчане скрутили его.

Через несколько минут, зло переглядываясь, Катя и Рыков стояли перед командиром полка.

— Что прикажете мне делать с вами? Отдать под трибунал? — негодовал майор Молчанов. — Идёт война! Весь полк воюют за Победу. А они устроили... Засранцы. — И наконец, припечатал: — Пять суток ареста! Каждому! Сдать оружие! — Затем выкрикнул дежурному офицеру: — Отведи их на гауптвахту!

На деле, однако, пять суток ареста превратились в одни сутки, да и то неполные. Обстановка на фронте требовала прикрытия войск с воздуха, а укомплектованных опытных экипажей штурмовиков было в обрез.

Теперь изо дня в день экипаж Чернецова был на боевых вылетах: воздушная разведка, прикрытия наступающих частей, атаки на скопление войск противника, а иногда — единоборство с "мессерами". В такие минуты Виктор отчаянно жалел, что пилотирует штурмовик, а не родной шустрый "ястребок". Но в то же время он постепенно проникался любовью к своему штурмовику, который он всё чаще называл "ласточкой". Да и о Кате, о своём стрелке, он думал уже больше, чем о сослуживце, но немного побаивался растущего в душе любовного чувства к ней.

Как-то раз лейтенанта Чернецова вызвали в штабной блиндаж. У командира полка Молчанова был важный гость — полковник из разведки армии.

— Мне рекомендовали тебя, Чернецов, как лучшего воздушного разведчика полка. Командование поручает твоему экипажу важное задание. — Полковник говорил спокойно, но как-то тяжеловесно. — Посмотри на карту.

Виктор и бывшие у комполка офицеры штаба склонились над разложенной на столе картой.

— По приблизительным оценкам разведки, — продолжал полковник, — в этих местах сосредоточен арсенал новейшего вооружения фашистов, прежде всего танков. Есть и склады горючего. Но где именно, мы не знаем.

После минутной тишины полковник чётко произнёс:

— Слушай приказ, лейтенант: пройти через огневое заграждение в центр скопления военной техники и сделать фотоснимки.

— Есть! — ответил лейтенант Чернецов.

— И обязательно вернуться живым с этими данными! Мы уже потеряли на этой операции три экипажа армии, три лучших экипажа. Так что надемся на тебя, Виктор... — Других слов не требовалось.

Вскоре Чернецов провёл инструктаж механиков: самолёт должен быть подготовлен к полёту безукоризненно. При этом разговоре была и Катя, но вопросов не задавала. И только когда они остались с Виктором вдвоём, спросила:

— Я уже поняла, что задание особенное... Справимся? — Она преданно смотрела ему в глаза.

— Должны справиться, Катюша. С Божьей помощью...

— Ты что, товарищ лейтенант, в Бога веришь? — изумилась Катя.

Виктор неопределённо покачал головой и тихо ответил:

— Разве есть люди, которые не верят в Бога?

— Почти все говорят, что не верят...

— Говорить можно всякое. А вера — она в душе. Может, кому-то и кажется, что он неверующий, но вдруг вера в нём просыпается... — Виктор усмехнулся: — Когда жареный петух клонет... На четыре часа утра у нас назначен вылет. Иди отдыхай, товарищ сержант Бойко.

И опять всё между ними стало ясно и определённо.

В назначенное время штурмовик Чернецова оторвался от взлётной полосы аэродрома и взял курс на запад.

Холмистая местность, обведённая карандашом на карте полковника, встретила самолёт-разведчик ураганным огнём зениток. Стало ясно: фашистам есть что охранять. Самолёт Чернецова то резко менял высоту, то выполнял замысловатые пируэты, всячески увертываясь от огня зенитных точек противника, то в отчаянном пике вторгался в сердцевину вражеской группировки и успевал запечатлеть расположение врага на фотоснимках.

— Всё! Задание выполнено, — сообщил Виктор своему стрелку. — Уходим!

Но просто так уйти не удалось. Немцы послали вдогонку два истребителя: советский разведчик не должен был раскрыть секретную базу вермахта... Скорость штурмовика не позволила уйти от вражеских истребителей — начался неравный бой.

— Давай, Катюша, давай! Я подведу “мессера” под твой прицел... Бей, милая! Вся надежда теперь на тебя...

Катя не промахнулась. Длинными очередями буквально изрешетила вражеский истребитель. Скоро они увидели факел падающего “мессера”.

— Молодец! Теперь так же с другим, Катюша, разберёмся!

— Не получится, Витенька! Я расстреляла весь боекомплект...

Чернецов быстро оценил обстановку: шансов уйти от истребителя почти не было. Вернее, было только один шанс — дерзкий трюк.

— Держись, Катюша! Держись изо всех сил!

Штурмовик сделал полупетлю и вдруг вошёл в резкое пике. Казалось, что самолёт попал в штопор, из которого уже не выберется. Немецкий лётчик, как увлечённый погоней охотник, погнался за советским штурмовиком, чтобы добить его. Земля приближалась с нарастающей скоростью. Ещё чуть-чуть, ещё... Но, не долетев до земли несколько метров, Виктор мастерски увёл самолёт от поверхности, вывел его в горизонтальный полёт и скользнул на своей “ласточке” поверх деревьев. Фашистский лётчик от такого пилотажа растерялся и, хотя из пике тоже вышел, но не смог вовремя подняться на нужную высоту, зацепил кроны деревьев, рухнул наземь.

— Кажется, пронесло. Как ты, Катюша?

— Нормально, — сдавленно отозвалась Катя.

— Потерпи немного. Скоро будем дома.

Героический штурмовик вышел встречать весь полк. Лейтенанта Чернецова, как только он выбрался из кабины, посадили в машину и отвезли в командирский блиндаж — на доклад о воздушной разведке. Катю тоже пришлось везти на машине — в санчасть. Она еле держалась на ногах.

Как только Виктор освободился в штабе полка, немедленно прибежал в санчасть проведать Катю.

— Ничего страшного, — успокоил его врач. — Она перенесла сильную перегрузку и обо что-то ударилась головой. Полежит, отдохнёт два-три дня и будет в полном порядке. А ты, лейтенант, не тревожь её. Ей покой нужен...

Но сама лихая казачка покоя не хотела. Уже на следующий день она заявила:

— Я здорова. И никаких ранений у меня нет.

— А что у тебя было? Девичий обморок? — ехидничал полковой эскулап. — Постельный режим на несколько суток. Это приказ!

— Отдохни, отдохни, Катюша, — увещевал её и Виктор, который навещал свою подчинённую несколько раз в день. — Наша “ласточка” пока тоже в пачинке. Механики говорят, им надо несколько дней.

Вскоре экипаж за успешно выполненное задание получил награды: ордена и очередные воинские звания. Старшими стали и командир, и стрелок: он — старшим лейтенантом, а она — старшим сержантом. Но по-настоящему отметить радостное событие не пришлось. В тот день, когда пришёл приказ о награждении, фашисты сбили штурмовик, в котором стрелком была Катина подруга Света. Так что Катя вместо праздничного застолья вдоволь наревелась в девичьем блиндаже.

Война продолжалась. Фронт перемещался на запад. Бои шли уже за Вислой. Эскадрилья штурмовиков “обрабатывала” шеренги немецких окопов. Беспорядочная стрельба со стороны отступающих фашистов велась со всех сторон. И однажды при заходе на очередную атаку крыло “ласточки” прошила шальная пулёмётная очередь. Управляемость самолета резко ухудшилась, и старший лейтенант Чернецов получил приказ командира эскадрильи выходить из боя. Ничего необычного не произошло, и Виктор стал аккуратно уводить штурмовик к своему аэродрому. Скоро под крылом уже замелькали занятые нашими войсками польские посёлки, показался взлётная полоса.

— На сегодня, Катюша, всё! — готовясь к посадке, сказал Виктор. Отклика не последовало. — Ты что молчишь?

Опять безмолвие. Тревожное предчувствие вмиг захватило сознание Виктора:

— Катюша, милая, что с тобой?! — с тревогой окликнул он.

И опять ответа не было.

Чернецов посадил машину и тут же перелез из своей кабины в кабину стрелка. Катя истекала кровью и уже не подавала признаков жизни. Подбежали техники, с их помощью Виктор вытащил из кабины Катю, на руках понёс к санитарной палатке.

Дежурный фельдшер быстро осмотрел Катю и сказал:

— Ей уже никто не поможет. Она мертва.

Виктор стоял оторопевший.

— Не она первая, не она последняя, — печально вздохнул фельдшер. — Она твоим стрелком была?

— Берегиней она моей была...

Виктор Чернецов ещё в детстве слышал, что в древности на Руси поклонялись богине, прозванной Берегинею, считалась она заступницей и охранительницей всего сущего. Слышал он и народное поверье: Берегиня — это невеста, которая умерла до свадьбы...

Виктор вышел из санитарной палатки и не знал, куда идти дальше. Стоял и смотрел в небо, чистое, светлое и такое жестокое, фронтовое...

СЛУЖИЛИ ДВА ТОВАРИЩА

— Ну что, Васёк, дёрнем по чуть-чуть? Грех не обмыть боевые наши медали, да и Кузьмича помянуть надобно.

Алексей Юрков скривил свою веснушчатую физиономию и, ловко перехватив левой рукой костыль, как величайшую драгоценность, достал из-под полы халата довольно вместительный пузырьёк со спиртом.

— Где же ты ухитрился раздобыть эдакое лекарство? — Василий был не столько удивлён, сколько воодушевлён стараниями своего давнего приятеля. — Ты, Лёш, просто фокусник.

Несмотря на стылую погоду, в неотопливаемой курилке прифронтового госпиталя сохранялся свой особый, простоватый уют. В притемнённом уголке, где перекуривали Василий и Алексей, появился бодрящий спиртовой запах. Слаженные действия остатков боевого расчёта зенитного пулемёта позволили осуществить приятный их сердцу ритуал успешно и быстро. Прошёл первый, слегка удушливый момент, и вот живительная влага разлилась по искорёженным войной телам друзей.

Ещё задолго до войны Василий и Алексей организовали своеобразную бригаду высококлассных слесарей. Василий был слесарем-лекальщиком самой высокой, почти *запредельной* квалификации. Алексей тоже был неплохим специалистом, хотя до уровня товарища, конечно, не дотягивал. Однако, не в пример другу, он обладал бойким жизнерадостным характером, да и не был обделён организаторскими способностями.

Постоянного места работы у друзей не было. В те годы за ними и закрепилось прозвище “летуны”. Обычно Алексей узнавал по своим каналам где, на каком производстве возникали проблемы с изготовлением уникальных слесарных изделий. Затем он связывался с руководством этих предприятий и предлагал свои условия для решения возникшей задачи.

Василий в этом процессе никакого участия не принимал. Зато потом наступал его черед. Основную, самую сложную часть слесарной работы выполнял именно он. При этом Алексей был на подхвате, проводил относительно простые, второстепенные операции. Выполнив заказ на одном предприятии и получив недурное материальное вознаграждение, друзья переходили на другое. Там они опять проводили аккордные работы, изготавливали сложные, порой уникальные, штампы и прочие изделия из металлов.

Так продолжалось в течение нескольких лет, но вот грянула Великая Отечественная война. В первые же дни после её начала был мобилизован Алексей. В то же время Василий как первоклассный специалист получил бронь от призыва в армию. Но, поработав какое-то время в тылу, он всё же ухитрился записаться добровольцем и ушёл защищать Родину.

Прошло года два, и вот на одном из перекрёстков фронтовых дорог кадычные друзья встретились. Танковая часть, в которой воевал Василий, выдвигалась на передовую, а её передвижение должен был прикрывать батальон зенитных орудий. В этом батальоне и служил Алексей. Встречу друзей описать невозможно... Такой искренней радости, что воспыкала в их сердцах, хватило бы на большой праздник всей армии. Добрый и чувствительный Василий даже заплакал, а вот энергичный Алексей с ходу начал действовать.

Прибежал он к своему командиру, капитану Обухову, и, нарушая все уставные нормы, буквально упал на колени. Его рассказ про своего товарища, состоящий, в основном, из превосходных степеней, оказался таким впечатляющим, что комбат оставил все неотложные дела и начал предпринимать всевозможные действия для получения в своё распоряжение этого слесаря-умельца.

Времени для переговоров было мало, а уж успехов в этих переговорах — и того меньше. Командир танковой колонны наотрез отказался передать зенитчикам своего лучшего механика. Что оставалось делать? В возникшей безысходности капитан Обухов решил созвать совет из ближайших помощников и организовать мозговую атаку. Прозвучали на нём разные предложения, но все они явно не могли принести положительного результата. Вре-

мя шло. И вот тогда поднялся старшина Склянкин Иван Кузьмич и озвучил замечательное предложение: преподнести командиру танковой части десятилитровую канистру спирта. Эту подарочную жидкость Кузьмич обещал выдлить из своего неприкосновенного запаса. Такое смелое и щедрое предложение сработало на отлично, и Василий из танкиста превратился в зенитчика. Друзья вновь были вместе.

Капитан Обухов слыл толковым командиром. Он быстро оценил талант нового бойца и применял его по прямому назначению. Через пару недель все механизмы батальонных зениток были идеально отлажены и работали прекрасно. О заеданиях затворов и прочих пакостях вскоре даже стали забывать. Вот только тогда Кузьмич начал понемногу успокаиваться, понял, наконец, что не зря опустошил батальонные припасы. И всё же старшина не был бы старшиной, если бы при удобном случае не указывал Василию на то, какую великую цену заплатили за него. Кроме того, злопамятный Кузьмич иногда напоминал и о том, что танковая часть, где служил Василий, почти полностью погибла, подорвавшись на немецких минных заграждениях.

Боевые будни сменялись другими боевыми буднями. Время шло, приближалась великая Победа. Но вот произошло совершенно непредвиденное. Немецкие части внезапно осуществили прорыв фронта на направлении, которое прикрывал зенитный батальон закадычных друзей.

Молниеносный бросок танкового соединения смял наши передовые порядки, и прорвавшиеся вглубь обороны “Тигры” и “Фердинанды” прошлись своими гусеницами по ближним вспомогательным частям. В центре этого прорыва оказался батальон капитана Обухова. Многие бойцы из личного состава погибли, а оставшиеся в живых были вынуждены отступить. Отступление это очень походило на самое настоящее бегство. Вместе с остатками своего батальона ретировался и его командир. Среди опрокинутых и помятых зенитных орудий и раздавленных ящиков с боеприпасами остались лежать исковерканные тела наших солдат. Проход фашистских танков по месту дислокации зенитного батальона практически не оставил даже раненых, если не считать двух солдат с простреленными ногами. Да, да, ими оказались старые друзья Василий и Алексей. Покалеченные ноги просто не позволили им последовать за своим командиром.

После скоротечного прохода немецких танков наступило кратковременное относительное затишье. Шок внезапного нападения стал проходить. Друзья очнулись и, оглядевшись в поисках спасительного укрытия, решили ползти к расположенному невдалеке заросшему оврагу. Как только двинулись они к спасительному месту, их настороженное внимание привлекли непонятные звуки, похожие на отчаянное кряхтение надрывающегося человека.

Валяющаяся поблизости зенитка поколыхалась, затем начала выправляться и вот постепенно приняла своё штатное, боевое положение. Из-под орудия показалась горбленная фигура старшины Склянкина.

— Что разлеглись? Нет, чтоб пособить старшему по званию.

Несмотря на разорванную гимнастёрку и затекший фиолетовой нахлопкой левый глаз, от Кузьмича исходил дух спокойной уверенности. Прочь уныние и страх!

Дальнейшие события развивались с нарастающей быстротой. Раны были плотно перевязаны, зенитка выровнена в чёткое, устойчивое положение, подобраны и уложены разбросанные поблизости боеприпасы. Оставалось только одно — снять с орудия зенитный прицел. Только в этом случае ствол зенитки можно было поставить в положение, необходимое для поражения наземных целей. Задача эта оказалась не из лёгких. Если бы не рукастый Василий, то трудно было бы рассчитывать на успех, по крайней мере, быстрый. Известными только ему аккуратными движениями слесарь-лекальщик, хоть и не с первой попытки, но всё же снял зенитный прицел. Теперь орудие превратилось в своеобразный скорострельный пулемёт.

Восхищённо оценив умение Василия, Кузьмич всё же не удержался и опять напомнил ему о невероятно высокой плате, внесённой за его переход в зенитный батальон.

Тем временем на горизонте показались автомашины немецкой пехоты. Кузьмич забрался на турель и приказал друзьям продолжать сбор боеприпасов. Ползок или на четвереньках раненые солдаты пополняли запас снарядов.

Дождавшись, когда немцы подошли поближе, старшина открыл огонь. Неожиданность такой встречи и большая скорострельность бывшей зенитки заставили врага отступить, причём отступить с большими потерями. Однако недолго длилась радость победы. Фашисты очнулись и открыли ответный шквальный огонь. Небольшой пятачок, занятый нашими героями, превратился в кипящую кашу из комков глины и остатков батальонной техники. Какое-то время старшина Склянкин ещё продолжал стрелять, но вскоре отрывочные очереди смолкли, и праведная душа оставила его истекающую кровью плоть.

Пусть и не тяжёлые, но многочисленные раны покрывали тела закадычных друзей. Помимо всего, Алексею оторвало по колено левую ногу, а Василий лишился двух пальцев на своей золотой правой руке.

Но главное! Главное было в том, что задержка немецкого наступления позволила командованию принять меры для устранения образовавшейся прорехи в нашей обороне. Кинжальная танковая атака с двух сторон отсекала, расчленила фашистскую группировку. Прорвавшиеся немецкие танки попали в “котёл” и вскоре были уничтожены.

— Вот мы с тобой, Васёк, и стали кавалерами пусть не орденов, но медалей. Причем, самых главных медалей — “За отвагу”, — Алексей бережно погладил блестящую на его груди новенькую медаль. — А вот наш Кузьмич уж не сможет обмыть свою боевую награду.

— А ему-то что дали? — правая рука Василия была по локоть запеленована бинтами и продолжала ныть так, что он не мог последовать примеру своего друга. — Ты ведь всё знаешь.

— Да, вроде, посмертно представили к ордену Отечественной войны второй степени.

— Почему второй?

— Почему, почему? По кочану, — Алексей одним из своих костылей пододвинул поближе к Василию стоящий рядом замызганный табурет. — Ты лучше, Васёк, присядь, а то свалишься. Послушай лучше сюда.

Хотя у Василия, в отличие от друга, сохранились повреждённые, но обе ноги, он не стал спорить и смиренно выполнил указание.

— Сел? Ну, хорошо, — продолжал Алексей. — А знаешь, чем награждён наш капитан Обухов? — его покрасневшее лицо резко усилило яркость веснушчатой россыпи. — Орденом Ленина!

— Вот это да! — Вася обалдел от услышанного. — Надо же! Так ведь он убежал с поля боя!

— Не убежал, а отвел остатки своей части на новые исходные позиции, чем и сохранил наш батальон. Кроме того, за счёт хорошего воспитания подчинённых комбат сумел организовать заслон на пути вторжения фрицев...

— Какой заслон?

— Какой, какой. Да наш, во главе с Кузьмичом.

— Никак не соображу, — Василий покрутил своей забинтованной головой. — Ведь получается, что герою Кузьмичу дали только вторую степень “Отечественной войны”, а капитану — высший орден? Ну и ну!

— Да не ершись, Васёк. Нашему-то старшине уж всё равно, а комбат ведь неплохой мужик. Так что просто прими к сведению. Лучше давай дёрнем ещё по чуть-чуть.

Несмотря на душевное негодование, предложение было принято Василием с благодарностью.

— Эх, Кузьмич, Кузьмич! Какие же он мне надфиля раздобыл. Даже тебе, Лёш, слабо...

— Да что надфиля! Вот мы с тобой сегодня обмываем медали, а чем чёрт не шутит, может, потом получим за подвиги и ордена. Может, даже и высший орден Ленина, — философствовал опьяневший Алексей.

— Какие же ты совершишь подвиги с одной ногой?

— Эх, Васёк, поднимись ты хоть раз выше уровня своих напильников! Пора бы знать, что орден Ленина даётся не только за ратные, но и за трудовые победы. Так что у нас с тобой всё ещё впереди, — с пафосом сказал Алексей и внимательно посмотрел на свой пузырьёк, в котором оставалось немного спирта. — Давай за наши будущие трудовые свершения!

При этих словах Василию стало совсем грустно. Он бережно поднёс свою культу к губам и тихонечко возразил:

— Какие, Лёш, свершения? Ведь ты знаешь, у меня на основной руке осталось только три пальца.

— Да не горюй ты, Васёк! Главное, что мы живы, а три пальца — это совсем неплохо, — убеждал друга уже изрядно захмелевший Алексей. — Сколько пальцев нужно иметь, чтобы удержать стакан? Два! А у тебя — аж три!

Время было совсем не позднее, и два друга ещё долго обсуждали планы и надежды на будущую мирную жизнь.